

Настоящий мужчина в эпоху Nintendo

"Вообще, в нашей цивилизации само слово "поэзия" вызывает враждебные смешки."

Джордж Орвелл

"Лучше испытать немного несчастий, пока вы еще молоды, потому что если человек не испытает немного горечи он не угомонится."

Хагакурэ

Я шел на работу, когда заметил сверкающий металлический шарик в грязи. Это был шарик пачинко, который использовался в своеобразном японском игровом автомате как приз. В конце игры в пачинко вы получали наличные за стальные шарики, которых можно было собрать до тысячи, чтобы сорвать джек-пот, получив как приз домашнюю технику или деньги. Обычно шарики пачинко остаются в залах с автоматами пачинко, поэтому я был удивлен, увидев еще один и далее на небольшом удалении еще один и еще. Следуя по этому ценному следу, я собирал шарики, оттирал их от грязи, улыбаясь самому себе в теплом солнечном свете. Солнце мерцало на стали и я звенел собранными шариками, словно маленький мальчик, собирающий гальку на пляже.

След вел до главной дороги, которую мне предстояло пересечь, чтобы добраться до вокзала. Я наклонился чтобы поднять еще один шарик, когда я услышал визг скользящих от резкого торможения шин и увидел рассыпающиеся по дороге пиломатериалы с кузова маленького грузовика. Красный спортивный автомобиль Mazda стоял перед грузовиком, тогда как другие автомобили устремились в противоположный переулочек во избежание инцидента. Я был не совсем уверен в том, что случилось, и я остановился посмотреть, звеня шариками пачинко в своей руке.

Водитель грузовика был молодым человеком с "уложенной агрессивной" прической, стиль, предпочитаемый японскими мужчинами с насильственными наклонностями, берущими вдохновение от причесок якудза, организованной преступности, главным образом втянутой в рэкет азартных игр. Он подобрал один из упавших брусков позади его грузовика и бросился на водителя спортивного автомобиля. На гортанном мужественном японском он вопил: "Что ты делаешь? Кем ты себя возомнил?", с перемежающимися угрозами, "Я убью тебя!"

Водитель автомобиля, как я видел, был очень испуган. Он также был молодым человеком и был одет в костюм. Водитель грузовика ударил своим куском древесины по ветровому стеклу автомобиля, стараясь тем самым разбить его. Водитель Mazda закрыл лицо ожидая, что полетят осколки. Это выражение страха усугубило ситуацию. Водитель грузовика в ярости ударил по стеклу еще несколько раз и водитель Mazda не переставал извиняться: "Сумимасэн. Гомэн насаи. Гомэн. Гомэн насаи." Затем водитель грузовика дотянулся и схватил человека в Mazda за его галстук. Вот он, я думал, момент насилия. Я должен вмешаться, но как? Там, как казалось, не было никакой паузы, никакого момента задумчивости, позволяющего мне воскликнуть с подходящим замечанием, сдерживающую руку. Я неподвижен, напуган.

Наматывая галстук на кулак и таща на этой импровизированной узде водитель грузовика гнал человека из Mazda, Вынуждая его двигаться в сторону от дороги. Потом водитель грузовика ударил колпак колеса Mazda и затем водителя, который все еще приносил извинения, убегая. Он поклонился водителю грузовика, полным извинения поклоном в пояс. Водитель грузовика разглагольствовал еще некоторое время, рыча "Букурроссу" ("Я убью тебя") и бил бампер и колпак колеса, подчеркивая его неудовлетворенность.

Потом это случилось. Что-то столь странное и неуместное в современном Токио, чего я никогда не предугадал бы. Пока автомобили пронеслись мимо по шоссе,

водитель грузовика толкнул водителя Mazda на колени у края газона. Угнетенный служащий выглядел патетично, стоя на коленях в траве перед яростным водителем грузовика с куском древесины в руках. Я думал, что он возможно мог бы заплакать. Вместо этого он мастерски выполнил полный императорский поклон, с вытянутыми руками распростершись лицом в пыльную траву. Его корпоративная голова поднялась и обрушилась несколько раз пока он говорил на самом вежливом японском, который я когда либо слышал, буквально прося прощения от водителя грузовика.

Извинение сработало. Водитель грузовика перезагрузил свой груз и служащий поспешил удалиться прочь на работу. Так или иначе, искренняя невинность поиска шариков пачинко была потеряна. Я бросил их назад в водосток. Возможно ли, что я вмешался бы, если бы ситуация приняла непристойный оборот? Я мог бы швырнуть шарики пачинко, если бы ситуация стала бы действительно тяжелой. Но я никогда не был достаточно хорош в бросках. Я спокойно отметил свои реакции: опасение, любопытство и ощущение исключенности, по ту сторону. Я видел определенные четкие нормы насилия работавшие в месте, где я едва ожидал увидеть насилие вообще.

Насилие не было моей стезей. Именно поэтому проживание в Токио удовлетворяло меня - это была, вероятно, самая безопасная столица в мире. Но все больше и больше я задавался вопросом, что бы я сделал, если бы меня пытались ограбить, напали на меня, выбравшие меня как цель вооруженные ножами мутанты в темном сыром переулке; темные сырые переулки, воняющие мочой и старыми обертками от булочек с начинкой, кошмар городского комфорта последнее пристанище - одиночка, беззащитный, сжавшийся словно эмбрион, защищая свою собственность промокшими газетами. Откровенно говоря, это доставило мне неудобство. Я убедился, что беспокойство, которое не покидало меня, было связано с моей основной нехваткой физической подготовки. Дряхлость медленно одолевала меня, а мне было только тридцать. Некоторая врожденная жизнестойкость поддерживала мое существование все время пока мне было за двадцать, но в минуту когда мне исполнилось тридцать я начал быстро угасать. Я начал подозревать, что у меня был какой то недуг, какая то таинственная истощающая болезнь. Этому упадку по общему признанию не способствовали курение, распитие большого количества кофе и жизнь за счет пакетированного риса карри. Мои соседи по комнате пострадали вместе со мной. У Криса появились прыщи на спине. Толстого Фрэнка, иранца, окружал постоянный ужасный запах.

Крис был пухлым коротышкой, лысым и в очках. Под его внушительной яркой лысиной скрывался мозг огромной силы и сложности. В старые времена он, возможно, был бы генералом, профессором университета, советником судов и королей. В тетчеровской Великобритании он был налоговым консультантом. Невероятное сознание Криса изобрело схемы ухода от налогового обложения такой сложности, что для их описания потребовались бы 3-D диаграммы размером с массивный стол для переговоров. Крис был изначально одаренным ребенком, сторевшим в двадцать семь после получения гонораров в сотни тысяч, за советы богатым людям, как экономить деньги. Как пострадавший от бешенных денег в восьмидесятые он отвернулся от обычной жизни, чтобы преследовать свои многочисленные интересы. Но, что наиболее важно, он всегда ставил своих друзей на первое место, помогая им, даже когда это было опасным для него. Он пошел дальше, пройдя путь от налогового специалиста до многоцелевого специалиста, и всякий раз, когда у меня были проблемы, то первым делом я спрашивал мнение Криса. Он знал все, был повсюду, занимался почти всем либо если чего он не делал, то, близкая к фотографичной, его память изрыгала список литературы, абсолютно существенных книг по рассматриваемому предмету.

Как специалист с полной занятостью и преподаватель английского с частичной занятостью, Крис полагал, что современный мир был болезненно поглощен чистотой. Он любил, чтобы кухонные полотенца были хорошо грязными, что позволило бы нам не избежать ежедневной дозы микроорганизмов, необходимых для поддержки наших иммунных систем в первоклассном состоянии. Вместо того, чтобы истреблять полезных бактерий в его рубашках с духом, он предпочитал обрабатывать их специфично пахнущим мужским парфюмом называемом Mando, который был всегда доступен во всех японских круглосуточных магазинах 7-Элэвен.

Крис объединился с приветливым Толстым Френком на злополучной ковровой спекуляции в Дубаи. Они приехали в Японию, чтобы попробовать продать

персидские шедевры японцам, что было успешным пока их экономика "мыльного пузыря" не лопнула. Они остались, заманенные легкими деньгами за обучение английскому языку, переписывая и дублируя деловое видео.

Перед приездом в Японию Толстый Фрэнк был, в разное время, иранским борцом любителем, профессиональным исполнителем танца живота и студентом медицины. Он был иранцем, хотя получил образование в Великобритании, он любил составлять загадочные и бессмысленные предложения только для того, чтобы применить новое слово. "Будет то, как может", была одна из его любимых фраз.

Толстый Фрэнк имел большой живот и спину покрытую полностью волосами. "Когда река суха, я отдыхаю", сказал он как то. "А когда река полна, я плыву". Он лежал на спине, просматривая учебник японского в это время. Он сделал паузу и повернул страницу. "Прямо сейчас река суха." Когда ситуация становилась угнетающей, Толстый Фрэнк начинал хрустеть своими пальцами, петь и танцевать танец живота будучи в одних трусах. У него был специальный иранский способ хрустеть пальцами, используя обе руки, что было невероятно шумным. Все его песни начинались со слова *guftam*. В конце я его спросил как то, что означало *guftam*. Толстый Фрэнк улыбнулся. "'Я сказал'," ответил он. Крис ненавидел стелющиеся иранские песни, но мне они нравились.

Наша квартира находилась в обветшалом блоке под названием Фуджи Хайтс, месте специфических ароматов, плохих звонков, китайских и корейских иммигрантов, квартала сектантов Сока Гаккай, которые приставали с разговорами к вновь прибывшим и разглагольствовали об обращении в их особенную и государственную Буддистскую веру. Так же там был маленький мальчик, который носил прозрачные наполненные воздухом в подошве сандалии со встроенной пищалкой - писклявые игрушки на каждой ноге, он топал не прекращая по балконному проходу, который располагался над нашей входной дверью, не осознавая, возможно, что он обладал самым раздражающим изобретением, известным человечеству. Фуджи Хайтс было не высоким строением, и не в виде горы Фудзи, это были тридцатилетние бараки для утомленных рабочих, работающих муравьев чудесной японской экономики, которые все съехали отсюда в совершенно новые многоквартирные дома с подземной стоянкой, оставив прежние квартиры нищим и иностранцам, которые не возражали против стиральной машины с вертикальной загрузкой стоящей за передней дверью. Интерьер был темен, окна загоразживали огромные многоэтажки с обеих сторон. У нас было две комнаты, каждая десять на двенадцать футов (3x3,6 м), или, на японский манер измерять помещения, они были обе размером в шесть циновок.

Циновка - традиционная мера для помещений в Японии, приблизительно в один метр шириной и в два длиной. Большинство комнат были выложенными циновками, сотканными из татами, немного эластичного покрытия из рисовой соломы. Одна из наших комнат была выложена шестью циновками татами, в другой был износившийся линолеум. По сравнению с Тэссю, самураем поэтом девятнадцатого столетия, которым я восхищался, мы были богаты. Ему принадлежало помещение всего лишь в три циновки - Одна циновка предназначалась для размышления, другая для гостей и третья для его жены и него самого.

Комната с татами была спальней и местом скопления книг. У нас была почти тысяча книг, сложенных у стен аккуратными стопками Крисом, который был заядлым книжным покупателем. Толстый Фрэнк предпочитал заимствовать или "находить" свои книги. Все мы воспринимали чтение как необходимое занятие, как прием пищи; Фрэнк потратил много времени на оба способа поиска книг, таким образом стопки книг становились все выше и выше. Мы должны были соблюдать осторожность, когда ложились спать, в случае если стопки книг обрушились бы на нас. Каждую ночь мы разворачивали футоны и спали на полу. Каждое утро мы сворачивали их и хранили в углу.

Другая комната была кухней и столовой. Доступ к модульной оранжевой пластмассовой ванне был из кухни. Вот такая была темпераментная уборная у нас. У нас было много электронных приборов, которые Толстый Фрэнк выбрал из барахла, выброшенного другими людьми. В Японии подбор мусора очень хорош, потому что люди не имеют достаточно свободного места для хранения старых магнитофонов и телевизоров, когда они заменяют их на новые. Таким образом они часто выбрасывают вещи, которые все еще работоспособны. Толстый Фрэнк негодовал, видя, что хорошие товары длительного пользования пропадают впустую, поэтому он приносил их домой и хранил в своей части комнаты. Спустя несколько дней хранения, мягко акклиматизируя нас к новому уменьшению пространства, он пускал их в общественное пользование. Мы располагали двумя факсами, оба были немного поврежденные, один был пригоден для отправления

факса, другой для приема. Два видеомэгнитофона – один плохо перематывал вперед, другой плохо мотал назад. Два или три кассетных мэгнитофона. Два компьютера. Два автоответчика. Наши мнения разделились, когда у нас появилась возможность заполучить микроволновку. Крис чувствовал, что это только больше подтолкнет нас к потреблению японской суррогатной пищи – одноминутной лапши, дружеских моментальных гёза (начиненных чесноком печений) и повторно разогретого якитори (цыппленка на вертеле), от немого человека-якитори, магазин которого располагался на один блок дальше нашего.

Нашей единственной раскэчкой в физических упражнениях была стрельба по медлительным тараканам монстрам, которые кишели в Фуджи Хайтс, из точных копий пистолетов Luger BV. Крис вообще не одобрял этого: "Это даст отрицательный результат – умирающий таракан выделяет гормон, который предупреждает остальных, чтобы они скрывались."

Я чувствовал, что теряю контроль над своей жизнью, что я быстро увядаю, становясь пассивным пятном с ценностью существования стремящимся к нулю. Другие мои заботы были достаточно унылы: тот факт, например, что мне было тридцать и я был никуда негоден и еще, к тому же, жил с двумя другими парнями, которым так же было по тридцать и они так же были никуда негодны. Факт, что у меня не было постоянной работы, постоянной подруги или даже хотя бы твердой руки, из за всего того кофеина и никотина, бегущего по моим венам. Факт, что кто-то недавно украл крышку от нашей стиральной машинки, которая, будучи расположенной за пределами квартиры, была особенно уязвима для преступления. Стиральная машинка, из которой убегала холодная вода, была не в состоянии отстирать до чиста воротники моих рубашек, вынуждая меня бросать тень на эту чувствительную к грязи нацию, японская промышленность производила скверные стиральные машинки для домашнего пользования.

Единственным возможным образом жизни в таких тесных условиях была общезитие. Мы ели вместе, мы спали в одной комнате, мы выходили дружно из дома. Если когда либо случалось, редкий раз, что к кому-то должна была придти подруга, то мы договаривались "отсутствовать", чтобы несколько часов уединения были возможными. В конце концов мы знали мысли друг друга, заканчивали предложения друг за другом и читали почту друг друга. Это было так, словно тесные условия вынудили три личности сплотиться в одну, что было единственным средством выживания.

Наше самонавязанное страдание было логичным. Частично это было из-за высокого прожиточного минимума в Токио, частично потому, что Толстый Фрэнк был нетрудоспособен. Была обратная реакция против иранцев в Японии, и было невозможно, с его изворотливым статусом визы, найти ему работу. Ранее, великодушное визовое соглашение с Ираном дало возможность заполонить Японию более чем миллионом иранцев. Они были необходимы первоначально, чтобы снизить статус низкооплачиваемых работ. Теперь здесь было слишком много иранцев и японцы считали их проблемой. Проводились периодические компании "зачистки", когда полиция налетала на определенную станцию и арестовывала для высылки любого иранца без действующей регистрационной карты иностранца.

У Криса, также был трудный период в жизни. К нему обратился издатель с предложением написать рискованное руководство по изучению японского языка, озаглавленное как "Секспертиза японского языка за семь дней". С подлинным усердием ученого Крис налег на предмет столь плотно, что даже японский порнорежиссер, которого он усердно расспрашивал, был смущен непоколебимой непристойностью словаря. Крис любил напоминать ханжески, что первая изданная работа Артура Козстлера была сексуальной энциклопедией. Как ведущий специалист Крис раскрывал примеры диалогов и удобных фраз для всего, от торговли садо-мазохистскими резиновыми фетишами до пятнадцати синонимов на японском женских наружных половых органов. В разнообразии вкусов от А до Z, Секспертиза была на Z. Издатель в конечном счете отступил, и не поменял решения даже после того, как Крис согласился выкинуть статью о скотоложстве. Крис потратил много часов, что не было оплачено, исследуя Секспертизу, и наши средства пришли в полный упадок.

Несмотря на фиаско с Секспертизой Крис сохранял свою роль лидера в Фуджи Хайтс, показывая виртуозную компетентность, которая проявлялась регулярно при нас, что не позволяло нам никогда не терять веру в него. Во время одного продолжительного спора после того как свет уже был выключен, между Толстым Фрэнком и мной о невозможности отжиманий на одном пальце, Крис вздохнул,

включил боковое освещение и отжался пять раз, что ошеломило нас и ввергло в молчание.

Мой путь в Японию начался с мечты о побеге. В то время, в Оксфорде я получил престижную награду в области поэзии – Ньюдигейт. Список обладателей награды включал Оскара Уайльда, Джона Рёскина и Мэтью Арнольда, это убедило меня в том, что я либо ПОЭТ, либо ПИСАТЕЛЬ. Эта призрачная амбиция протащила меня через ряд тупиковых работ. Различные бизнес-схемы бальзаковской путанности все глубже загоняли меня в финансовую дыру, из которой сложно было вернуться в мир кредитных рейтингов и высокооплачиваемых договоров. Все написанное мной я либо публиковал сам, либо было журнально-поверхностным, деньги шли к моим более успешным собратьям.

Единственным моим достижением в тот жизненный период был поход в одиночку по Пиренеям, от Средиземного моря до Атлантического океана, на расстояние семисот километров. Некоторые участки я шел днями в разреженном воздухе, не встречая ни единой живой души; и там, вдали от города, у меня мелькнула мысль бросить все. Но питаться воздухом я не мог, мне нужно было как-то зарабатывать на жизнь.

После двух лет колебаний я купил билет в Японию, соблазнившись большими заработками, новыми местами, о которых можно было бы писать, экзотическими девушками и Тессю. Ямаока Тессю был моим лучшим открытием. Эрудированный английский поэт Питер Леви, который был практически моим наставником в Оксфорде, посоветовал мне почитать Басё, японского мастера хайку. В комментариях к Басё я натолкнулся на информацию о Тессю, самурае-поэте XIX-го века, который тоже писал хайку. Но Тессю был не только поэтом, он был еще и воином, адептом дзен, художником, создавшим более миллиона образцов каллиграфии; он выпивал полгаллона сакэ каждый вечер, был телохранителем императора и открыл собственную школу по искусству владения мечом.

Тессю не мелочился в своих делах. Когда он решил переписать целиком буддийский канон, его спросили, не будет ли это слишком сложно. "Вовсе нет, – ответил Тессю, – я же делаю копию только одной страницы за раз".

Была определенная назойливость связанная с жизнью в Японии. Проживание было дорогим и стрессовым. Токио объединяло чувство искусственного покоя с дешевым, звенящим металлом безумием. Поезда шли по расписанию, унося вас прочь из столицы в окрестности и обратно, что выглядело однообразным. Повсюду на каждой станции было скопление залов пачинко, вход в которые указывали освещенные неонам забавные двери, и где было полно автоматов. Невероятный грохот миллионов металлических шариков, изрыгаемых в пластиковые подносы, которые после будут обналичивать в призы, вот что для меня было шумом современной Японии.

В год пребывания в Токио я заработал и потратил, больше денег, чем за предыдущие 4 года в Лондоне. Я почувствовал первый укол зарождающейся язвы. Я потерял работу преподавателя, занял денег на жизнь, наблюдал за взрывом "экономики мыльного пузыря", нашел самое дешевое кафе и поселился в квартире с Крисом и Толстым Фрэнком. Я нашел работу на полставки и начал снова писать.

Я собрал новую коллекцию стихов, и размышлял над примером Тессю. Он был поэт и воин. Он был невероятно продуктивен в деле и еще умудрялся находить время на махание мечом, часовые медитации и поглощение огромных количеств сакэ. Что останавливало меня? Телевиденье? Работа? Необходимость ездить на электричке? Что было у Тессю, чего не доставало мне? Дисциплина. Он просыпался рано, ложился спать поздно и тренировался каждый день. Дисциплины у меня просто не было.

В принципе дисциплины мне всегда не хватало. Всплески энтузиазма частично компенсировали отсутствие привязанностей к чему-либо, но меня удручала четко прослеживающаяся система отличных начал и унылых концов. Я хорошо помню тот момент, когда понял, что все должно измениться. Я ехал вверх по эскалатору торгового центра. Было так много людей, что я должен был стоять без движения среди толпы других офисных служащих, всех как один одетых в пиджаки, с безразличными выражениями лиц, сдерживающих внутреннее раздражение на невозможность двигаться быстрее к пункту назначения, или им было просто все равно. А эскалатор, движущийся вниз, был так же заполнен. Он медленно проезжал мимо меня; это напоминало эпизод фантастического фильма, не фильма ужаса, а из тех нигилистически-футуристических фильмов, где у людей стирают сознание и все они сразу успокаиваются. Я смотрел на пустые лица и понимал: вот это – та жизнь, что у тебя есть, и другой не будет. Что за жизнь – я был

физически неразвитый, нездоровый интеллект, книжный червяк, поэт, чувствительный парень. Пришло время это изменить.

Возможно, Крис ощущал неизбежный крах Фуджи Хайтс. Именно он постоянно советовал нам, чтобы мы вновь подтянули свою физическую форму. Но именно я предложил в ответ заняться боевыми искусствами, хотя я никогда не умел драться и едва различал мой кулак от своего же локтя. С тех пор, как школьный хулиган ударил меня по лицу кулаком в резиновой рифленой перчатке для крикета, я хотел практиковать боевые искусства, но ангел-хранитель, причудливый боец кунг-фу, оберегал меня от этого. В течении двадцати лет.

Так как Крис создавал впечатление, что он знал абсолютно все, я расспросил его больше о пути воина. Я знал, что он изучал кунг-фу, чтобы противостоять одиночному хулигану в его школе, и "детское каратэ", которое вошло в моду после полноконтактных турниров. Это было одной из главных привлекательностей к Крису, так же как он мог быть высокоинтеллектуальным, он так же мог нанести разрушительный короткий удар. "После того как меня отправили в нокаут я, обычно, был слишком больным и не мог есть в течении трех дней," вспоминал он. Меня никогда не отправляли в нокаут. Я не придерживался таких вещей, размышляя много до сих пор, но все же это казалось чрезвычайно неприятным.

"Необходимо быть отправленным в нокаут, чтобы хорошо драться?" спросил я.

"Если ты не можешь принимать удары, ты не будешь слишком хорош в драке. Но риск того, что тебя вырубят это опасность, а не необходимость."

У Криса были свои собственные представления относительно боевых искусств. Кунг-фу преподавалось ужасно, дзюдо ныне стало спортом, Шотокан каратэ действовало разрушительно на колени, а тай цзи было для домохозяек, если вы не нашли подлинного преподавателя, тогда это становилось самым смертельным искусством. Сёриндзи кэмпо, японское кунг-фу, было культом, ниндзюцу слишком сверхъестественным, кэндо было слишком дорогим и кёкушинкай слишком уж походило на кикбоксинг.

Джейсон, белокурый австралиец, который так же как и я обучал английскому языку, как раз таки занимался кёкушинкай каратэ. Он имел черный пояс и занимался в кёкушинкай додзё, или иначе тренировочном зале, в западном Токио. В первую нашу встречу сбоку на его лице я увидел пятно запекшейся крови. "Кик (пинок)," объяснил он. В следующий раз я увидел его с подбитым глазом. "Локоть," сказал он.

Получение избиений на постоянной основе наверняка не было тем, что я имел в виду, но я был готов попробовать что-нибудь, что привело бы меня в хорошую форму. Крис был определенно против кёкушинкай: "Это зверское занятие, что не означает, однако, что его адепты обязательно более жестки, чем кто либо еще, но это означает действительно лишь одно, что они более глупы."

Я встретил Джейсона однажды на неделе, поскольку мы преподавали в одной и той же средней школе. Он рассказал мне о своих последних достижениях в додзё. Затем, спустя неделю он появился черен лицом, потрясенный, полностью ошеломленный. Его брата, также эксперта боевых искусств, смертельно ранили в ссоре снаружи гостиницы, которой он управлял. Он был убит членом банды Ангелы Ада трехдюймовым (7,5 см) ножом, которым он проколол ему печень. Спустя полчаса он был мертв.

Я пробовал утешить Джейсона. Мы заговорили о мести, но Джейсон был истинным христианином и полагал, что месть бессмысленна. Он показал мне фотографию своего брата, который выглядел жестче и старше в свои двадцать один. Он был чемпионом Северного Квинсленда по кикбоксингу.

В некоторой степени это сделало меня еще более решительным. Я хотел найти некоторое искусство, которое не только бы раздавало удары на право и налево, но также и обучило бы вас противостоять атаке с ножом.

Жизнь книжных червей среди наших груд книг, которые теперь начали включать в себя журналы по боевым искусствам и книги с такими названиями как "Тайна Прикосновения Дракона", "Стать жестче - руководство американских моряков" или моя любимая, полностью эксцентричная "Тюремное Кровавое Железо", которая была написана и издана двумя чудаковатыми бывшими преступниками из тюрьмы Terre Haute в Америке. Мне нравилось эта причудливая смесь эрудиции и опыта тюремного двора, давая вам иллюзию, что вы теперь были экспертом ножевого боя, изучив такие понятия как "заточка" или "движение с захватом ледоруба".

Но вы не можете научиться драться по книгам. Мы сошлись во мнении, или скорее принял решение Крис, а мы согласились, что наша отвратительная

физическая форма и нехватка дисциплины могли быть вылечены только серьезным изучением какого-либо боевого искусства или чего то подобного.

Я узнал о школе меча Тессю. Школа все еще существовала и называлась Муто рю. К сожалению в ней было всего тринадцать практикующих учеников. Во времена Тессю их было более чем четыреста. Мне показалось, что Муто рю терпела крах, с тех пор как ее великий основатель умер.

Я задался вопросом, что Тессю изучал бы теперь, если бы он был жив. "Айкидо, без сомнения," сказал Крис. "В айкидо есть элемент Дзэн, который был утерян многими стилями меча." Было верным, к тому же, что один из главных толкователей Тессю, профессор Джон Стивенс из университета Тохоку, изучал айкидо. Сам Тессю мог никогда не изучать айкидо, поскольку эти техники были чрезвычайно секретными в его дни.

"Айкидо, как и дзюдо, происходит от дзю-дзюцу. В некоторых стилях оно мягко и текуче, в других оно жестко и быстро, более похоже на каратэ. Все формы айкидо включают использование контролей суставов, чтобы вывести из равновесия и бросить человека." Я понял, что Крис уже был подкован в этом предмете.

Крис прочел всевозможные брошюры и журналы и объявил айкидо Ёшинкан "лучшим". Это был один из жестких стилей и он имел соответствующую репутацию. Каждое утро в 8:30 утра они проводили специальное занятие для иностранцев. Занятие проходило на английском языке. Так или иначе это было удобно. Когда я изучу несколько искусных движений и ударов я смогу пойти дальше, посещая занятия только для японцев. Но английский язык на занятиях был прекрасным стартом для такого неопытного новичка как я.

Крис показал мне журнал, изданный организацией Ёшинкан. В нем была статья о "Курсе Гражданской Полиции". Статья повествовала о том, что это был самый тяжелый курс боевых искусств в мире. Курс, который проводился для Кидотай, японской гражданской полиции, был организован в той же самой организации, которую мы хотели посетить.

Я должен был мужественно принять тот факт, что я не был крепким парнем, и вряд ли когда бы мог стать им. Возможно, другие мужчины противостояли этому когда им было двенадцать, но, так или иначе, я был в состоянии отложить на потом столкновение с фактами. Как пример физической стойкости я всегда рассматривал моего деда, полковника Х. Твиггера. Даже в свои восемьдесят семь он был гораздо менее бесхарактерный, чем я. Он боксировал и был стрелком в армии. У него были выступающие наросты на надбровных дугах, выше глаз, которые, казалось, предназначались для того, чтобы бодаться с кем-то.

Перед отъездом в Японию я отправился к нему, чтобы повидаться, и он продемонстрировал мне в замедленном темпе, как использовать кулак и локоть для неотразимой двойной атаки. Он рассказал мне о Нагас, охотниках за головами на бирманско-индийской границе, он присоединился к войскам во время переломного сражения под Кохима в 1944.

Он не доверял ремням безопасности, полагая, что они предназначались для инвалидов. "И опасны к тому же!" Он когда-то слетел с утеса на джипе со своим любимым лабрадором, привязанным поводком к приборной панели. Он конечно же не был пристегнут. "Меня свободно выкинуло. Собака была убита. Это доказывает, что ремни безопасности чертовски не хороши."

После Индии, а затем и Малайзии, полковник Х. Твиггер жил в холодном особняке в глубине округа Оксфордшир. На главной лестнице стояла огромная японская гильза от снаряда, заполненная копьями Нага. Ребенком посещая своего деда, я обычно волновался, чувствуя человеческие волосы, украшающие рукояти копий.

Когда у полковника Х. Твиггера болели зубы, он вырывал зуб сам парой ржавых плоскогубцев.

Когда ему было сорок он все еще мог делать колесо на лужайке, несмотря на то, что он перед этим выпил половину бутылки виски и выкуривал по шестьдесят сигарет в день.

Когда ему исполнилось восемьдесят, будучи уже трезвенником и некурящим, он перестал садиться - "Органы располагаются не на своих местах" - и он выбросил все свои стулья, дабы следовать этому новому курсу терапии.

В одном из его шкафов-витрин был алюминиевый портсигар, подаренный ему его другом и приятелем офицером армии, который пережил четырехлетнее заключение в тюрьме Чанги во время войны. Он был искусно сделан из алюминиевого котелка, с запорным клипсом, сделанным из перьевой ручки.

Мне, потому как я никогда по настоящему не знал его, полковник Х. Твиггер символизировал предыдущую эру, тяжелые времена, когда болезнь означала либо смерть либо чудесное выздоровление, где боль игнорировалась, аспирин высмеивался, всех докторов считали шарлатанами, а всех психиатров считали мошенниками. Это было время когда люди страдали и не жаловались. Теперь люди принимали препарат Прозак, но не переставали жаловаться. Я не был исключением. Я выпивал две таблетки Парацетамола в тот момент, когда чувствовал малейшую головную боль. Крис предпочитал Ибупрофен. Полковник весьма сильно высмеял бы все это.